

Сенат Латвийской Республики
Уголовный департамент
12 июня 2020 г.
РЕШЕНИЕ
Дело № 11270001815, СКК-23/2020
[ECLI:LV:AT:2020:06 1 2.11270001815.4.L](https://ecli.lv/at/2020/06/12/11270001815.4.L)

В состав суда входят: сенаторы Ингуна Радзевича, Артурс Фрейбергс, Петерис Опинцанс.

рассмотрел в письменном производстве уголовное дело по кассационным жалобам обвиняемого [лица А], его защитника Виктории Борини и обвиняемого [лица Б] на решение Курземского окружного суда от 1 апреля 2019 года.

Описательная часть

[1] Решением Курземского окружного суда от 9 мая 2018 г.

[1.1] [лицо А], персональный идентификационный номер [..],

признан виновным в совершении уголовного преступления, предусмотренного статьей 253.1 части 2 Уголовного закона, и приговорен к лишению свободы сроком на 3 года и 1 месяц;

признан виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 253.1 части первой Уголовного закона (совершенного 10 марта 2015 года после 14:00), и приговорен к 2 годам лишения свободы;

признан виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 253.1 части первой Уголовного закона (совершенного 10 марта 2015 года после 20:25), и приговорен к 2 годам лишения свободы;

признан виновным в совершении уголовного преступления, предусмотренного статьей 253 части первой Уголовного закона, и приговорен к 4 месяцам тюремного заключения.

В соответствии со статьей 50, частями первой, второй и третьей Уголовного закона, окончательное наказание, назначенное [лицу А], — лишение свободы на срок 3 года и 6 месяцев.

В соответствии со статьей 55 Уголовного закона [лицу А] назначено наказание в виде условного лишения свободы с испытательным сроком 3 года 6 месяцев.

[1.2] [Лицо Б], персональный идентификационный номер [..],

признан виновным в совершении уголовного преступления, предусмотренного статьей 253.1 части 2 Уголовного закона, и приговорен к 3 годам и 2 месяцам лишения свободы.

В соответствии со статьей 51 Уголовного закона окончательное наказание в отношении [лица Б] составляет 4 года и 2 месяца лишения свободы.

[2] Приговором суда первой инстанции [лицо А] признано виновным и наказано по статье 253. ¹ части 2 Уголовного закона за то, что она в составе группы лиц по предварительному сговору незаконно хранила психотропные вещества с целью сбыта; за два уголовных преступления, предусмотренных статьей 253. ¹, частью 1 Уголовного закона, а именно за то, что она незаконно сбыла психотропное вещество; и по статье 253. 1, частью 1 Уголовного закона за то, что она незаконно приобрела и хранила психотропное вещество без цели сбыта.

Приговором суда первой инстанции [лицо Б] признано виновным и подвергнуто наказанию по статье 253.1 части 2 Уголовного кодекса ^{3а} то, что в составе группы лиц по предварительному сговору незаконно приобрело и хранило психотропные вещества в целях сбыта.

[3] Определением Курземского окружного суда от 1 апреля 2019 года при рассмотрении дела в апелляционном порядке в связи с апелляционными жалобами защитника подсудимого [лица А] В. Бориной и подсудимого [лица Б] решение Курземского окружного суда от 9 мая 2018 года оставлено без изменения.

[4] Ответчик [лицо А] подал кассационную жалобу на решение Курземского окружного суда от 1 апреля 2019 года, в которой просит отменить решение суда в части признания ее виновной и назначения наказания по части второй статьи 253.1 Уголовного закона ^и направить дело в отмененной части на новое рассмотрение в апелляционный суд, указывая, что апелляционный суд при рассмотрении дела допустил существенные нарушения Уголовно-процессуального закона.

Обвиняемая [лицо А] обосновала свое ходатайство следующими доводами.

[4.1] Апелляционный суд необоснованно признал допустимыми показания обвиняемой [лица А] в ходе досудебного уголовного процесса, данные ею без участия переводчика. Тем самым суд нарушил пункт 4 части второй статьи 130 Уголовно-процессуального закона, который устанавливает, что сведения о фактах, полученные с нарушением основных принципов уголовного процесса, считаются недопустимыми и недопустимыми в качестве доказательств. Доводы апелляционного суда о том, что обвиняемая [лица А] подтвердила, что понимает латышский язык, и, ознакомившись с материалами уголовного дела на латышском языке, собственноручно написала, что они ей понятны, не могут служить основанием для признания того, что обвиняемая владеет латышским языком в такой степени, что могла в полной мере реализовать свои права на защиту в ходе досудебного уголовного процесса. Фактически обвиняемая [лица А], давая показания в ходе досудебного уголовного процесса, многого не понимала и согласилась подписать протоколы из страха. Кроме того, в ходе судебного разбирательства дела обвиняемой [перс. А.] был приглашён переводчик, и она давала показания в суде на русском языке. Таким образом, у обеих нижестоящих инстанций возникли обоснованные сомнения в том, что обвиняемая [перс. А.] не владеет латышским языком на уровне, позволяющем ей в полной мере осуществлять свои процессуальные права.

[4.2] Апелляционный суд необоснованно отклонил утверждения обвиняемой [лица А] о том, что в ходе предварительного расследования уголовного дела она находилась под воздействием наркотических средств и других одурманивающих веществ. Факт нахождения обвиняемой под воздействием психотропного вещества во время допроса подтверждается результатами химико-токсикологической экспертизы, из

которой следует, что в смывах с рук и рта [лица А] обнаружено психотропное вещество – трамадол. В связи с вышеизложенным, тот факт, что обвиняемая [лица А] из-за страха не жаловалась на состояние здоровья и соглашалась на всё, не может служить доказательством того, что она не находилась под воздействием наркотических средств и была способна в полной мере осуществлять свою защиту.

Учитывая изложенное, следует признать, что решения обоих нижестоящих судов основаны на недопустимых доказательствах, поэтому не могут быть признаны законными и обоснованными по смыслу статьи 511 части второй Уголовно-процессуального закона.

[4.3] Апелляционный суд рассмотрел дело в незаконном составе, поскольку судебное заседание 17 июля 2018 года проходило под председательством судьи Ингриды Юнхане (предположительно – Ингриды Юнгхане) и в нем приняли участие судьи Дидзис Актуманис и И. Юнгане (предположительно – И. Юнгхане), а судебное заседание 27 сентября 2018 года и последующие судебные заседания проходили под председательством судьи И. Юнгане (предположительно – И. Юнгхане) и в нем приняли участие судьи Д. Актуманис и Винета Вайтейка.

[5] На решение Курземского окружного суда от 1 апреля 2019 года адвокат обвиняемого [лица А] В. Борина подала кассационную жалобу, в которой просит отменить определение суда в части признания [лица А] виновным и назначения ему наказания по статье 253. ¹ части 2 Уголовного закона и направить дело в отмененной части на новое рассмотрение в апелляционный суд.

Защитник построил свою кассационную жалобу на доводах, аналогичных изложенным в кассационной жалобе обвиняемого [лица А].

[6] Ответчик [лицо Б] подал кассационную жалобу на решение Курземского окружного суда от 1 апреля 2019 года, в которой просил отменить решение суда в отношении него в части и направить дело на новое рассмотрение в отмененной части, указав, что суд апелляционной инстанции при рассмотрении дела допустил нарушения статей 11, 15 и 20 Уголовно-процессуального закона, а также не выполнил требования пункта 3(е) статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Обвиняемый [лицо Б] обосновал свое ходатайство следующими доводами.

[6.1] Обвиняемый [лицо Б] в своей апелляции указал, что не владеет латышским языком в объеме, достаточном для понимания содержания юридических терминов и осуществления своих процессуальных прав. Уже в протоколе задержания от 10 марта 2015 года и в протоколе допроса от 1 июня 2015 года обвиняемый ясно указал, что желает общаться на русском языке, однако лицо, направляющее процесс, проигнорировало эти указания, поскольку при возбуждении обыска не ознакомило обвиняемого с постановлением о производстве обыска на понятном ему языке, не предоставило обвиняемому адвоката во время обыска и в ходе досудебного производства по уголовному делу допрашивал обвиняемого на латышском языке без приглашения переводчика, тем самым лишив обвиняемого возможности понимать содержание составленных протоколов.

Защитник обвиняемого [лицо Б] указал суду апелляционной инстанции на указанные нарушения, допущенные в ходе предварительного расследования уголовного дела, однако суд не принял эти указания во внимание, признав, что нарушение прав

обвиняемого по делу установить невозможно. Такое мнение суда противоречит статье 11 Уголовно-процессуального закона. Кроме того, в обоих нижестоящих судах обвиняемому [лицо Б] был предоставлен переводчик, и он давал показания на русском языке.

[6.2] Апелляционный суд нарушил статьи 15 и 452 Уголовно-процессуального закона, поскольку не обеспечил неизменность состава суда по рассматриваемому делу. Дело в Апелляционном суде было возбуждено судьями Инарой Розите, Д. Актуманисом и И. Юнгхане, однако 27 сентября 2018 года состав суда был изменён, и рассмотрение дела продолжили судьи И. Юнгхане, Д. Актуманисом и В. Вайтейка. Такое изменение состава суда вызывает обоснованные сомнения в том, было ли обеспечено право на справедливое судебное разбирательство в Апелляционном суде при рассмотрении дела.

[6.3] Апелляционный суд проигнорировал доводы защиты обвиняемого [лица Б] о том, что в деле нарушено право на завершение уголовного судопроизводства в разумный срок. С момента возбуждения уголовного дела 10 марта 2015 года прошло более 4 лет, однако дело не было приостановлено в результате действий обвиняемого [лица Б]. Рассмотрение дела в суде первой инстанции неоднократно откладывалось в связи с судебной реформой, болезнью судьи, нахождением её на стажировке и неявкой свидетелей. При таких обстоятельствах вывод апелляционного суда об отсутствии по делу необоснованного затягивания уголовного судопроизводства не может быть признан законным и обоснованным.

Учитывая, что согласно практике Верховного Суда РФ оценка нарушения права на завершение уголовного судопроизводства в разумный срок носит правовой характер, указанный вопрос подлежит рассмотрению в суде кассационной инстанции.

[6.4] Апелляционный суд основывал свое решение на недопустимых доказательствах.

Срок содержания под стражей обвиняемого [лицо Б] исправлен в протоколе задержания от 10 марта 2015 года. Учитывая, что лицо, направляющее процесс [лицо С], не смогло в судебном заседании объяснить необходимость такого исправления, возникают обоснованные сомнения относительно фактической продолжительности содержания под стражей обвиняемого [лицо Б], что лишает обвиняемого возможности защищать себя.

Более того, свидетель [лич. Д] незаконно участвовал в процессуальных действиях – допросе и специальном следственном эксперименте. Указание суда апелляционной инстанции на отсутствие в деле сведений о нахождении указанного свидетеля под воздействием наркотических средств во время дачи показаний противоречит протоколу задержания [лич. Д] от 10 марта 2015 года, в котором зафиксировано указание сотрудника полиции [лич. Э] на возможное нахождение [лич. Д] под воздействием наркотических средств. Более того, свидетель [лич. Д] не владеет латышским языком на уровне, необходимом для понимания юридической терминологии. Вышеизложенное подтверждается протоколом допроса [лич. Д], в котором текст протокола на латышском языке, составленный руководителем процесса, сопровождается текстом на русском языке, написанным [лич. Д].

Учитывая изложенное, следует признать, что судом апелляционной инстанции не соблюдены требования статьи 127 части второй Уголовно-процессуального закона о допустимости доказательств в связи с соблюдением основных принципов уголовного судопроизводства.

Тематическая часть

[7] Сенат считает, что решение Курземского окружного суда от 1 апреля 2019 года следует оставить без изменения, а кассационные жалобы обвиняемой [лиц. А], её адвоката В. Бориной и обвиняемой [лиц. Б] – без удовлетворения. При рассмотрении дела суд апелляционной инстанции не допустил нарушений Уголовного закона, а также нарушений Уголовно-процессуального закона, которые могли бы служить основанием для отмены или изменения решения суда апелляционной инстанции.

[7.1] Апелляционный суд установил, что суд первой инстанции правильно оценил полученные по делу доказательства и сделал обоснованные выводы относительно виновности обвиняемых [лиц. А] и [лиц. Б] в совершении преступления, предусмотренного статьей 253.1 ^{части} второй Уголовного закона, поэтому в соответствии со статьей 564 части шестой Уголовно-процессуального закона счел возможным не повторять доказательства и выводы, указанные в приговоре суда первой инстанции.

В свою очередь, суд первой инстанции, ссылаясь на конкретные доказательства, полученные по делу и исследованные в судебном заседании, установил в действиях обвиняемых [лиц. А] и [лиц. Б] все необходимые и обязательные элементы состава преступления, предусмотренного статьей 253.1 ^{части} второй Уголовного закона. Суд оценил полученные по делу доказательства в соответствии с требованиями статьи 128 части второй Уголовно-процессуального закона в их совокупности и во взаимосвязи. На основании полученных по делу доказательств суд первой инстанции установил, что виновность обвиняемых [лиц. А] и [лиц. Б] в совершении преступления, предусмотренного статьей 253.1 ^{части} второй Уголовного закона, доказана вне разумных сомнений. У апелляционного суда также не возникло разумных сомнений в виновности обвиняемых [лиц. А] и [лиц. Б]. Таким образом, оба нижестоящих суда установили основания для вынесения обвинительного приговора, указанные в статье 520 Уголовно-процессуального закона. Суд кассационной инстанции не переоценивает полученные по делу доказательства в соответствии со статьей 569 части третьей Уголовно-процессуального закона. Сенат не устанавливает нарушений требований Уголовно-процессуального закона при оценке доказательств, которые могли бы служить основанием для отмены постановления суда апелляционной инстанции, а субъективное мнение обвиняемой [лица А], её защитника и обвиняемой [лица Б] об иной оценке полученных по делу доказательств, если судом не допущено существенных нарушений Уголовно-процессуального закона при оценке доказательств, не может быть основанием для отмены постановления суда апелляционной инстанции.

[7.2] Сенат считает необоснованными утверждения, высказанные в кассационных жалобах, о том, что дело рассматривалось в апелляционном суде с нарушением принципа неизменности состава суда.

Принцип неизменности состава суда закреплен в статье 452 Уголовно-процессуального закона. Часть первая этой статьи определяет, что судебное разбирательство уголовного дела проводится в неизменном составе судей, а часть вторая статьи указывает, что в случае замены одного из судей в ходе судебного разбирательства уголовного дела другим судьей судебное разбирательство уголовного дела начинается заново.

Сенат признает, что апелляционный суд при рассмотрении дела не нарушил вышеуказанные положения Уголовно-процессуального закона.

Из материалов дела следует, что 17 июля 2018 года Апелляционный суд начал судебное разбирательство дела в следующем составе: председательствующий в судебном заседании судья И. Розите, судьи И. Юнгхане и Д. Актуманис, однако судебное разбирательство дела было отложено без начала судебного следствия в связи с ходатайством защиты о вызове свидетелей (*том 2, лист 82*). На следующем судебном заседании 27 сентября 2018 года судьей И. Юнгхане заменил судья В. Вайтейка, и суд в этом составе рассмотрел дело, вынеся приговор. Из протокола судебного заседания апелляционной инстанции от 27 сентября 2018 года видно, что суд не продолжил разбирательство дела в новом составе, а возобновил его заново, объявив состав суда и выяснив, имеются ли возражения у лиц, участвующих в деле, сообщив, что ход судебного заседания будет фиксироваться с помощью аудиозаписи, проверив явку вызванных лиц и удаление свидетелей из зала судебного заседания до их допроса, выяснив, понятны ли обвиняемым их процессуальные права, а также выяснив, имеются ли ходатайства у лиц, участвующих в деле (*том 2, страницы 86–90*).

Принимая во внимание изложенное, Сенат признает, что апелляционный суд при рассмотрении дела после замены судьи соблюдал принцип неизменности состава суда.

[7.3] Сенат признаёт, что в остальной части кассационных жалоб обвиняемая [лицо А], её адвокат и обвиняемый [лицо Б] в основном повторили доводы, представленные в апелляциях и на слушаниях в обоих нижестоящих судах, которые апелляционный суд рассмотрел и мотивированно отклонил. У Сената нет оснований подвергать сомнению выводы апелляционного суда.

[7.3.1] Сенат считает необоснованными доводы кассационных жалоб о том, что показания обвиняемых [лиц. А] и [лиц. Б] в ходе досудебного расследования уголовного дела, данные обвиняемыми без участия переводчика, подлежат признанию недопустимыми, поскольку они получены с нарушением основных принципов уголовного судопроизводства.

Принцип языка, используемого в уголовном судопроизводстве, закреплен в статье 11 Уголовно-процессуального закона. В части первой данной статьи установлено, что уголовное судопроизводство ведется на государственном языке, а во второй части статьи указано, что лицо, имеющее право на защиту, потерпевший и его представитель, свидетель, специалист, эксперт, аудитор, а также иные лица, привлеченные направляющим процесс лицом к уголовному судопроизводству, если они не владеют направляющим процесс лицом государственным языком, при производстве процессуальных действий вправе пользоваться языком, которым владеют эти лица, и пользоваться помощью переводчика, участие которого обеспечивается направляющим процесс лицом бесплатно.

Указанные правовые нормы устанавливают две существенные гарантии – признание государственного языка единственным языком судопроизводства и право пользоваться языком, понятным тем лицам, участвующим в судопроизводстве, которые недостаточно владеют государственным языком (*Комментарии к Уголовно-процессуальному закону. Часть А. Научная монография под редакцией проф. Кристине Страдас-Розенберги. Рига: Latvijas Vēstnesis, 2019, с. 55*).

Суды обеих нижестоящих инстанций справедливо пришли к выводу о том, что обвиняемые [лица А] и [лица Б] не могут быть признаны лицами, не владеющими

государственным языком, по смыслу статьи 11 части 2 Уголовно-процессуального закона. Из протоколов судебных заседаний обеих нижестоящих инстанций усматривается, что дело рассматривалось с участием переводчика, однако указанное обстоятельство само по себе не может служить достаточным основанием для признания обвиняемых лицами, которым в соответствии с частью 2 статьи 11 Уголовно-процессуального закона должно было быть предоставлено право пользоваться помощью переводчика в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Из материалов дела видно, что в ходе досудебного уголовного процесса все процессуальные действия с участием [перс. А] происходили на латышском языке, и более того, сама обвиняемая [перс. А], будучи допрошенной в качестве подозреваемой, указала, что понимает латышский язык и может давать показания на латышском языке (*том 1, лист 91*). Также все последующие показания в ходе досудебного уголовного процесса обвиняемая [перс. А] давала на латышском языке, неоднократно подтверждая, что она владеет латышским языком и в услугах переводчика не нуждается (*том 1, листы 102-107*) . Кроме того, в каждом протоколе допроса [перс. А] указывала собственноручно на латышском языке, что она ознакомилась с протоколом и что он соответствует тому, что она говорила на допросе. Также к материалам дела приобщена подпись обвиняемой [перс. А], написанная собственноручно на латышском языке, о получении некоторых предметов, изъятых при обыске (*том 1, лист 93*). Также следует отметить, что [перс. А] является гражданином Латвийской Республики, родился в Латвии, постоянно проживает на территории Латвии, а также работал на работе, требующей знания латышского языка.

Из материалов дела следует, что в досудебном уголовном процессе большинство процессуальных действий с участием [лица Б] производилось на латышском языке, более того, сам обвиняемый, впервые допрашиваемый по делу в качестве подозреваемого, в присутствии своего защитника заявил о желании давать показания на понятном ему латышском языке (*том 1, лист 113*). Обвиняемый [лица Б] и в дальнейшем давал показания на латышском языке в присутствии своего защитника (*том 1, лист 115*). Более того, в упомянутых протоколах допроса [лица Б] собственноручно указал, что ознакомился с протоколом и что он соответствует его показаниям на допросе. Ни обвиняемый, ни его защитник не возражали против допроса на латышском языке и не сообщали направляющему процесс лицу о необходимости участия переводчика. Направляющее процесс лицо также не сомневалось в том, что обвиняемый [лица Б] владеет латышским языком. Учитывая изложенное, тот факт, что в ходе дальнейшего расследования дела, будучи допрошенным в качестве обвиняемого, [лицо Б] предпочло давать показания на русском языке, не может служить основанием для признания того, что предыдущие допросы проводились с нарушением права обвиняемого на использование владеемого им языка. Более того, [лицо Б] также является гражданином Латвийской Республики, родившимся в Латвии и постоянно проживающим на территории Латвии.

Учитывая изложенное, Сенат признает, что при досудебном уголовном производстве в результате производства процессуальных действий с обвиняемыми [лиц А] и [лиц Б] без участия переводчика не было допущено нарушение статьи 11 части второй Уголовно-процессуального закона, а неприглашение переводчика не препятствовало осуществлению обвиняемыми права на защиту и не лишало их права на справедливое судебное разбирательство.

[7.3.2] Сенат считает, что нет оснований для признания недопустимыми показаний, данных обвиняемым [лицом А] в ходе досудебного производства по уголовному делу в статусе задержанного, и сведений, содержащихся в протоколе обыска, в связи с тем, что в день производства этих процессуальных действий [лицо А] находилось под воздействием наркотических веществ.

Из заключения медицинского освидетельствования от 11 марта 2015 года на предмет определения степени воздействия наркотических, психотропных или токсических веществ следует, что в моче [лица А] обнаружены трамадол и его метаболиты, в крови – трамадол и «следы» его метаболитов, а также трамадол – во рту и на руках. Учитывая вышесказанное, у [лица А] установлено, что он находится под воздействием наркотических веществ (трамадола). При этом в указанном заключении медицинского освидетельствования указано, что восприятие у [лица А] не нарушено, память хорошая, артикуляция и психотические расстройства отсутствуют, употребление наркотических и психотропных веществ он отрицает (том 1, лист 36).

Оценив в целом сведения, изложенные в акте медицинского освидетельствования, и во взаимосвязи с сведениями, изложенными в протоколе допроса и протоколе обыска [лица А], суд первой инстанции, постановление которого апелляционной инстанцией было оставлено без изменения, установил, что в ходе допроса [лица А] смогла дать надлежащие показания об известных ей обстоятельствах дела, что противоречий в ее показаниях нет, и они согласуются с показаниями свидетеля [лица Д] и тем, что зафиксировано в протоколе обыска.

У Сената нет оснований подвергать сомнению подобные выводы суда.

[7.3.3] Апелляционный суд оценил и обоснованно отклонил доводы обвиняемого [лица Б], указанные в апелляционной жалобе и повторенные в кассационной жалобе, о том, что свидетель [лицо Д] был привлечен к процессуальным действиям – допросу и специальному следственному эксперименту – незаконно, поскольку не понимает языка, на котором составлены протоколы этих процессуальных действий, и, кроме того, во время проведения процессуальных действий находился под воздействием наркотических веществ.

Апелляционный суд пришёл к выводу, что по делу не получено доказательств того, что свидетель [лицо Д] находился под воздействием наркотических средств при производстве процессуальных действий. Сенат признаёт, что доводы обвиняемого [лицо Б] в этой части кассационной жалобы основаны на разной оценке достоверности и достаточности доказательств, полученных по делу, тогда как оценка доказательств в соответствии с законом осуществляется судом, рассматривающим дело по существу.

Апелляционный суд также установил, что право свидетеля [лица Д] пользоваться языком, которым он владеет, в деле нарушено не было. Обосновывая свои выводы в этой части, апелляционный суд указал, что свидетель [лица Д], будучи уведомленным о праве пригласить переводчика, в протоколах допросов указал, что он понимает латышский язык и может давать показания на латышском языке, и, кроме того, в конце каждого протокола он лично удостоверял, что ознакомился с протоколом и что он соответствует тому, что он говорил на допросе (том 1, листы 25, 45, 79).

Сенат признаёт, что обвиняемый [лицо Б] не привёл в кассационной жалобе доводов, опровергающих выводы апелляционного суда в этой части. Тот факт, что свидетель сделал определённые записи в протоколах допросов на русском языке, не

может служить основанием для признания допроса проведенным с нарушением права свидетеля на использование владеемого им языка.

[7.3.4] Сенат признает, что нет оснований для отмены решения апелляционного суда также по той причине, что фактическое время задержания в протоколе задержания [лица Б] было исправлено.

Пункт 5 правил Кабинета министров № 558 от 4 сентября 2018 года «Порядок разработки и оформления документов» устанавливает, что документ не может содержать подчисток, записей поверх оригинала, неуказанных исправлений, зачеркиваний или дополнений. В то же время указанная норма предусматривает возможность исправления ошибочных записей и устанавливает порядок внесения исправлений.

Из протокола задержания [лица Б] видно, что составитель протокола [лицо Е] исправил неверно указанное в протоколе фактическое время задержания, мотивировал исправление записью «В исправлении уверен» и подтвердил эту запись личной подписью (том 1, листы 54-55).

Сенат отмечает, что внесение указанного исправления в протокол процессуального действия само по себе не может служить основанием для оспаривания сведений, указанных в протоколе. Обвиняемый [лицо Б] в кассационной жалобе указал, что внесённое исправление ставит под сомнение реальную продолжительность содержания под стражей и лишает обвиняемого возможности защищать себя, однако не обосновал это утверждение.

[7.4] Сенат признает, что в деле не нарушено право на завершение уголовного судопроизводства в разумный срок, установленное статьей 14 Уголовно-процессуального закона. Уголовное дело было расследовано и рассмотрено в разумный срок, что позволило избежать необоснованного затягивания уголовного судопроизводства. В ходе разбирательства не было периодов времени, когда следственный орган, прокуратура и суд не были бы целенаправленно и обоснованно вовлечены в ход этого процесса, хотя такая возможность имелась. Также тот факт, что рассмотрение дела в суде первой инстанции неоднократно откладывалось в связи с болезнью судьи и нахождением ее на стажировке, не может служить основанием для вывода о необоснованном затягивании уголовного судопроизводства, поскольку по указанным причинам рассмотрение дела каждый раз откладывалось на небольшой срок. Также нет оснований признать необоснованное затягивание уголовного судопроизводства в связи с неявкой свидетеля, поскольку суд в данном случае также действовал целенаправленно, обеспечивая ход процесса, в том числе путем принятия решений о приводе свидетеля и применении принудительного штрафа. Кроме того, суд действовал достаточно динамично, созывая судебные заседания в среднем каждые 4 месяца.

[8] Решение Апелляционного суда в части признания обвиняемого [лица А] виновным и назначения ему наказания за два преступления, предусмотренных статьей 253.1 ^{части} первой Уголовного закона, и преступление, предусмотренное статьей 253 части первой Уголовного закона, в кассационном порядке не обжаловалось, поэтому оснований для оценки законности решения Апелляционного суда в этой части нет.

[9] Сенат признает, что основания для отмены решения апелляционного суда, указанные в кассационных жалобах обвиняемой [лиц. А] и ее защитника В. Бориной, а также обвиняемой [лиц. Б], не нашли своего подтверждения. Решение апелляционного

суда соответствует требованиям статей 511, 512 и 564 Уголовно-процессуального закона. При рассмотрении дела апелляционным судом не допущено нарушений уголовного закона, а также существенных нарушений уголовно-процессуального закона в понимании статьи 575 части третьей настоящего Закона, которые могли бы служить основанием для отмены или изменения решения апелляционного суда, поэтому решение апелляционного суда подлежит оставлению без изменения.

Оперативная часть

На основании статей 585 и 587 Уголовно-процессуального закона суд

постановил:

оставить решение Курземского окружного суда от 1 апреля 2019 года без изменения, а кассационные жалобы обвиняемого [лица А], его защитника В. Бориной и обвиняемого [лица Б] без удовлетворения.

Решение обжалованию не подлежит.